

Перкинс Люси Фич

**Маленькие швейцарцы. The
swiss twins**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Л95

Л95 **Люси Фич П.**
Маленькие швейцарцы. The swiss twins / Перкинс Люси Фич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-521-27755-1

ISBN 978-5-521-27755-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Г Л А В А I.

Заботливая кукушка.

Высоко на стене кухни старого сельского домика на склоне горы в Швейцарии, висели маленькие деревянные часы. В маленьких деревянных часах жила маленькая деревянная кукушка, и каждый час она выскакивала из своей маленькой деревянной дверки и бросала взгляд вокруг, чтобы посмотреть, что делается на свете, и выкрикнуть время. Затем она впрыгивала обратно в свой маленький темный домик, чтобы дожидаться там, такая свои минуты, того времени, когда ей снова можно будет сообщить людям—который час.

Однажды весной, под вечер, когда солнечный свет, все уменьшаясь, окрашивал снежные вершины гор в прекрасные цвета и посылал длинные снопы золотого света через всю долину, кукушка вздрогнула и проснулась.

— Ах!—сказала она себе,—уже шесть часов—и ни звука в кухне! Ведь как-раз пора матери Адольф готовить ужин. Что бы случилось с этой семьей, если бы я о них не заботилась! Они никогда не знали бы, когда время ужинать, если бы я им этого не говорила, и должны бы умереть от голода. Это несомненно! Какое счастье для них, что я такая заботливая птица!

Маленькая деревянная дверка распахнулась и кукушка высунула свою маленькую деревянную головку.

В кухне не было слышно ни звука, кроме громкого тиканья часов.

Вдоль стены кухни стоял стол, и на нем сидела маленькая серая мышка, которая грызла крошку сыра. Длинный сноп света пробивался сквозь западное окно прямо к большой изразцовой печке, как бы стараясь разбудить внутри ее пламя. Один из лучей упал на миску с водой, которая стояла на полу, и послал ве-

селых зайчиков танцевать по блестящей жестяной посуде в буфете.

Внутри часов послышался странный ворчащий звук. И затем внезапно раздалось громкое „ку-ку“ кукушки. Мгновенно маленькая серая мышка соскочила со стола и удрала в свою дырку в полу, а золотой селенный луч задрожал и исчез.

— Ку-ку, ку-ку,—выкрикивала кукушка во весь голос. — Ку-ку, ку-ку, ку-ку, — шесть часов! — Исполнив свою обязанность, кукушка впрыгнула обратно в свой маленький темный домик, и дверка захлопнулась за ней.

В саду мать Адольф услышала кукушку и, приподняв голову от грядки лука, которую она полола, сосчитала по пальцам: „Час, два, три, четыре, пять, шесть! Ай, ай! Уже шесть часов, и солнце свитит из-за старого Пилатуса!“ — сказала она и, поднявшись со своих немного затекших колен, постояла минутку, смотря на зеленые склоны горы Пилатуса, спускающиеся к долине.

Далеко, далеко внизу синие воды Люцернского озера отражали огненные краски горных вершин. Горы возвышались там, вдали, на той стороне озера, а ближе виднелось, раскинувшееся по уступам старого Пилатуса, маленькое село, все в зелени садов. В это время зазвонили колокола на колокольне и звуки неслись через поля, усеянные желтыми златоцветниками, и достигали матери Адольф, уже стихая. Колокола соседних деревень присоединились к этому звону, и воздух весь был пронизан их звуками, которым вторило тысячекратное эхо гор.

— Где же это пропадают дети? — сказала мать Адольф, оглядываясь вокруг. — Что-то не слышно ни малютки, ни близнецов уже больше часа. — И, сделав из рук лодочку, она прибавила собственную песенку к хору гор:

Так пела мать Адольф, и сейчас же из-за ив, которые окаймляли ручей в конце сада, два детских голоса пропели ответную мелодию:

Секунду спустя, два загорелых, белокурых, голубоглазых малыша, мальчик и девочка лет десяти, появились, таща за собой поставленный на колеса грубый ящик, в котором сидела круглая, розовая, голубоглазая крошка.

Со смехом и криком они бросились по садовой дорожке к матери.

Далеко внизу на длинной тропинке, ведущей от деревни, шел человек, согнувшийся под тяжестью огромной корзины. Он с трудом взбирался по крутому склону.

— Смотрите,—воскликнула мать Адольф,—вон идет отец из деревни. Он тащит целую корзину хлеба. Беги, Сеппи, помоги ему донести. Фриц тоже скоро придет с козами. Они с отцом, наверное, голодны, как волки. Слышите!

Она остановилась, прислушиваясь.

Вдали, из-за голубых гор, несясь звук рожка, наигрывавшего веселую песенку.

— Вот и Фриц! — воскликнула мать Адольф. Живо, Сеппи! А ты, Ленели, иди со мной в кухню. Ты можешь дать Розели поужинать, пока я накрою на стол и сварю ужин.

Она подняла ребенка на руки и пошла торопливой походкой к дому. Ленели бежала сзади, тащила коляску и в то же время играла с Розели, сидящей на плечах у матери, в прятки.

Когда они дошли до двери, Ленели села на ступеньку, и мать Адольф дала Розели ей на руки, а сама вошла в дом. Оттуда послышался шум ее торопливых шагов по кухне, треск печной заслонки и звон жестяной посуды. Скоро мать опять появилась в дверях, держа в руках чашку и ложку.

Чашку она дала Ленели, а маленькая Розели завладела ложкой и, лепеча от удовольствия, ссвала ее сна-

чала себе в глаз, а тем в маленький розовенький носик, стараясь изо всех сил найти рот. Было очень смешно смотреть на Розели, как этот ее розовенький рог никак не попадался ей, хотя она старательно открывала его, стараясь им поймать ложку. Наконец, Ленели взяла ее ручонку в свою и показывала путь каждому глотку.

Над их головами, на ветке черешни около двери, сидел реполов и щебетал свою вечернюю песенку:

„Черешни красные, черешни красные, черешни красные в июне“,—казалось, пел реполов. По крайней мере Ленели говорила малютке, что он поет именно это, а она, конечно, должна была знать, что он поет.

Перед тем как Розели успела проглотить последний глоток, появились с корзиной отец и Сеппи, и в то же мгновение послышался топот многих маленьких копыт по твердой земле двора, и из-за угла их старого серенького домика показался старший их брат Фриц с козами. С Фрицем явился и Белло, лая и виляя хвостом от радости, что он опять дома и всех их видит. Белло бросился к Ленели и лизнул ей руку, едва не опрокинув в своем шумном приветствии миску с молоком. а Розели радостно залепетала от удовольствия, поймав его длинные шелковистые уши.

— Прочь, Белло, прочь!—закричала Ленели, подняв миску высоко над головой.— Ты прольешь наш ужин!

Белло же решил выпросить себе молока. Он встал на задние лапы, скрестил передние и пролаял три раза. Так учил его делать Фриц.

— Ему нужно дать кусочек, иначе он забудет свои фокусы!— засмеялся Фриц, и Ленели, отломив кусок хлеба, бросила его собаке. Белло поймал его на лету, проглотил в один глоток и принялся просить снова.

— Нет, нет, — сказала Ленели, — ступай, Белло, теперь с Фрицем и помоги ему загнать в сарай коз. А потом и ты поужинаешь.

Фриц свистнул, и мгновенно Белло, как пуля, летел за Нэнни, черной козой, которая уже пробиралась к саду, чтобы отведать зеленую ботву моркови.

— Время детям отправляться спать, — сказала себе кукушка и, выскочив из своего маленького домика, провозгласила „ку-ку“ так внушительно, что Ленели торопливо поднялась с Розелли, чтобы уложить ее в колыбель.

Розели не была довольна кукушкой. Она хотела бы поиграть с Белло и слушать песню реполова, но Ленели сидела около ее колыбели, пока мать Адольф доила коз, и качала, напевая старинную песенку:

Баю, деточка, баю.
Песню я тебе спою.
Твой отец пригонит коз,
Мама дуб из листьесв-грез
Чуть тряхнет своей рукой, —
Сон-листок уж над тобой.
Баю, девочка, баю.
Песню дальше я спою:
В небе звездочки горят—
То овечек и ягнят
Серебристая луна
Стережет—пастух она.
Баю, деточка, баю.
Песню снова я спою.

Снова и снова пела Ленели эту песенку до тех пор, пока тяжелые веки не закрыли голубые глазенки Розели. Тогда Ленели быстро спустилась вниз в темноте по скрипящей лестнице. В кухне уже сидели отец мать, Фриц и Сеппи. Ленели села за стол и принялась есть суп, заедая хлебом и сыром.

В девять часов в комнате было снова тихо и пусто. Маленькая мышка выскользнула из своей дырки в полу. Белло, уткнув нос в лапы, заснул у дверей. Высоко над горой Пилатусом плыл месяц через усыпанное звездами небо, обливая своим серебристым светом сельский домик и вершины гор, покрытые снегом.

— Ку-ку, — сказала девять раз в девять часов маленькая деревянная кукушка, и опять колокола на сельской колокольне ответил ей. — Все хорошо, — протикала кукушка. — Надо не забыть что завтра утром я должна в три часа разбудить петухов, солнце в четыре, а семья должна встать в пять. Ну, а теперь я вернусь и вздремну немножко, пока мне это можно. — И она вскочила снова в часы и захлопнула за собой дверку.

Г Л А В А II.

Сеппи и Ленели учатся новой работе.

На следующее утро в пять часов мать Адольф уже встала, и кукушка разбудила только Фрица. Хотя она и прокричала пять часов изо всей своей силы, но ни Сеппи, ни Ленели не проснулись. Они спали очень крепко.

— Фриц, пойди разбуди близнецов! — сказала мать Адольф и пошла к дверям сарая, где обыкновенно доила коз. — Только не буди малютку. Я хочу, чтобы она спала сколько захочет.

— Хорошо, мама, — сказал Фриц и взбежал наверх по скрепящей лестнице, перепрыгивая сразу через несколько ступенек.

Он подбежал сначала к кровати Ленели и пощекотал ей пятки. Она поджала ноги и продолжала спать. Тогда он подошел к кровати Сеппи и начал трясти и толкать его, стараясь его разбудить. Но все было напрасно. Тогда Фриц схватил Сеппи за одну ногу и вытащил его из-под одеяла. С криком Сеппи проснулся и бросился на Фрица, и не прошло и секунды, как оба мальчика катались по полу с таким криком, словно они были индейцы. Их борьба разбудила Ленели и Розели, а мать Адольф, услышав из сарая шум, прибежала как раз во-время, чтобы увидеть, как Сеппи сидит на Фрице и выбивает по его животу такт песенки, которую он поет во все горло. Розели сидела на руках у Ленели и была очень довольна этим зрелищем.

Мать Адольф с ужасом посмотрела на эту драку. Она стащила Сеппи с живота Фрица и прикрикнула строго на старшего сына.

— Фриц, — сказала она, — я же велела тебе итти тихонько и не разбудить малютку.

— Я был тих,—сказал Фриц, поднимаясь с полу. Я был так тих, как только мог, но они не проснулись, так что мне пришлось стащить Сеппи с кровати.

Он посмотрел на мать такими невинными глазами, что, против ее желания, у нее дрогнули губы, и она улыбнулась.

— Я буду знать теперь, что значит посылать такого большого оболтуса такими поручениями,—сказала она.— Белло сделал бы это лучше. Право, в другой раз я буду посылать его.

— А теперь я хочу вам сообщить большую новость: Отец выбран обществом пасти сельское стадо в высоких Альпах и пробудет там со стадом все лето. Он возьмет с собой и Фрица, чтобы он пас скот, пока отец будет делать сыр. Во всех горах нет лучшего мастера по приготовлению сыра, чем ваш отец,—прибавила она с гордостью.

Больше, чем о чем-либо другом на свете, каждый мальчик в этой части Швейцарии мечтает отправиться со стадом на все лето на высокие горные пастбища, и Фриц был так рад, что перевернулся от удовольствия в воздухе. Когда он встал снова на ноги, лицо его сделалось озабоченным.

— Но кто же будет пасти наших коз? — спросил он.

— Ах,—ответила мать, слегка вздохнув.—Да больше некому, кроме Сеппи и Ленели. Вместе они смогут справиться с этим. Сегодня же ты, Фриц, должен взять их с собой в горы, чтобы показать им дорогу на пастбище и научить их пасти коз.

— Сегодня? Вот в этот самый день?—воскликнули оба близнеца. Они никогда раньше не были на пастбищах коз, и для них пойти туда было необыкновенным происшествием.

Но тут Ленели подумала о матери. Она бросилась к ней на шею.

— Но кто же останется с тобой, мамочка? — воскликнула она.—Ты будешь целые дни одна, некому бу-

ает тебе помочь, и тебе не с кем будет поговорить про ме Розели.

— Да, — вздохнула мать, — это правда. Для меня это будет долгое, одинокое лето. Но другого выхода нет, ничего не поделаешь. Это большое счастье для нас, что отец и Фриц будут зарабатывать в горах деньги. А вы с умным старым Белло скоро станете такими же хорошими пастухами коз, как и Фриц. Идите-ка теперь скорее завтракать, потому что козы уже подоены и с нетерпением ждут, чтобы их выгнали в горы.

Она взяла Розели на руки и потихоньку сошла вниз по лестнице. Когда, несколько минут спустя, близнецы и Фриц спустились в кухню, они нашли уже приготовленное для них молоко и хлеб и завернутый в чистое полотно завтрак из хлеба и сыра.

Отец Адольф вернулся из огорода, где он окучивал картошку, чтобы посмотреть, как дети в первый раз пойдут в горы.

Впереди прошли козы, резвясь на свежем утреннем воздухе и позванивая своими колокольчиками. За ними, с очень важным видом, бежал Белло, затем Фриц с петушиным пером на шляпе, с маленьким рожком в руках и с фляжкой, подвешенной через плечо, и, наконец, сзади всех оба близнеца.

— Ну, у вас будет длинный путь, детки, — сказала мать Адольф, целуя их на прощанье, — ваши ноги очень скоро устанут взбираться все выше и выше. Если бы каждый из нас стал останавливаться, когда он устанет, ни одна работа на свете не была бы сделана. Хорошенько запоминайте дорогу. не уходите далеко от тропинки, что бы ни случилось.

— Слушайте Фрица, — прибавил отец Адольф.

— Хорошо! — воскликнули близнецы и пустились догонять брата, который успел уйти довольно далеко от них. Они обернулись там, где тропинка огибала большой утес и где было такое хорошее эхо, и замахали матери руками. Фриц же проиграл на прощанье веселую песенку на рожке.

Затем скалы скрыли их из вида, и они бодро начали подниматься в горы. Им надо было пройти много тяжелых поднимающихся в гору километров к высотам, где паслись козы. Маленькие непривычные ноги близнецов заныли от утомления еще задолго до того, как они достигли лужаек зеленой травы, которые были отведены для их коз. Они прошли мимо поля, где паслись коровы, и на долю Белло выпала трудная работа удерживать коз на тропинке, так как это пастбище было только для коров, а козы не хотели признавать этого.

Целых два часа они взбирались все выше и выше по горной тропинке, которая то шла рядом со стремительными ручьями, то по краю головокружительных пропастей и чаще всего между утесами. Наверху виднелись покрытые снегом горные вершины, а внизу расстилались зеленые долины.

Наконец, когда измученным детям казалось, что они больше не смогут сделать ни шагу, они вышли к первому козьему пастбищу. Здесь они сделали привал. Козы радостно прыгали вокруг и жадно щипали траву, которая росла среди скал. Белло тяжело опустился на гладкий камень, высунув язык, а Фриц с близнецами растянулись отдохнуть на мягкой траве.

Почти в ту же минуту Сеппи заявил: „Я голоден“.

— Я тоже, — сказала Ленели.

Вы будете голодны тут все время, — сказал Фриц. — Уж такой здесь воздух!

— Давайте завтракать, предложил Сеппи.

Фриц вытащил сверток с завтраком из кармана и развернул его.

— Какой маленький завтрак! Он стал гораздо меньше, чем был дома, — заметила Ленели. — Отчего это случилось?

- Ты теперь голоднее, чем была тогда, — объяснил Фриц.

— Я бы мог его съесть один, — заявил Сеппи.

Нет, ты этого не сделаешь, засмеялся Фриц. — Я позабочусь об этом.